

Жизнь пленника

Река Нил

На следующий день после случившегося произошла воздушная бомбардировка. Так как я находился под домашним арестом, то и не мог это видеть, однако было прекрасно слышно, как летают самолёты.

К счастью, не было ни одного прямого попадания по деревне. Джибрил говорила, что в это время года ветер сдувает бомбы за пределы долины, в результате чего они падают с западной стороны. На случай, если остались неразорвавшиеся бомбы, эта территория была закрыта. Должно быть, трудно сбросить бомбы на деревню, ведь она находится на дне долины.

Настоящее военное возмездие закончилось лишь этим. Из профессионального любопытства мне интересно, откуда они скидывали бомбы, однако этим всё и закончилось.

Прошло ещё 10 дней.

Надзор ослаб, теперь я мог спокойно передвигаться по деревне.

Мой надзиратель — Джибрил — постоянно следует за мной, однако даже с головным убором она симпатичная девушка, так что это приятно.

У меня была мотивация покинуть компанию, и поэтому я не жаловался. Думаю, что ситуация, в которой я оказался, сравнима с благородным человеком, не обижающим людей. Это очень удачная ситуация, и я доволен. Сравнивая это чувство с годовой зарплатой в 6 000 000 иен. «Это дёшево», — подумал я. Эта работа не стоила того.

Я также подумал, чем же мне заняться после того, как вернусь в Японию. «Ну, наверное, в первую очередь найду работу, но что потом?»

Мне жаль Софию с Лэнсоном, но наверняка они смогли сбежать. Руководители и дорога были неплохи.

Это было простым совпадением, но я не эвакуировал их в эту деревню, а отвёл их в ближайший лагерь. Изначально я планировал что-то придумать, чтобы эта деревня не стала мишенью, но неожиданно произошло именно это.

И вот я здесь, очень довольный в деревне.

Деревня на дне долины была построена симметрично. Истинное значение дна долины — симметричное построение зданий на пустошах, где разбросаны галька и камни. Первоначально здания были только с одной стороны, но после распада СССР население начало расти и расширяться.

Причина, по которой они не строят на дне долины, изначально заключалась в реке, однако, может, есть и какая другая.

Идя вверх и вниз по полям, похожим на рисовые, я смотрю на пшеницу. Прикосновения к остроткам зёрен — приятное чувство.

Хорошее питание, в некоторой степени я свободен, поэтому я буду тренироваться каждый день.

Патрулирование рисовых полей — это одно из упражнений. Я запыхался, когда достиг самого высокого места, так что это стало хорошей тренировкой. Всего лишь привычка, оставшаяся после работы, но я считаю её хорошей. Это полезно для здоровья.

Джибрил бежала за мной, пока я взбирался. Я не знаю, насколько она пригодна в качестве блюстителя, но она точно была полна энтузиазма. Думаю, она начала отращивать волосы, но из-за головного убора я не могу точно сказать.

Она, как и я, смотрела не деревню.

— Тебе нравится здесь, не так ли? — заговорила она.

— Думаю, да.

— Потому что это место напоминает Японию?

— Это тоже.

Я улыбнулся. Не мог же я сказать, что никогда не был на рисовых полях. Вот почему я сказал что-то, что не имело к этому никакого отношения.

— Говорят, дураки и дым любят высоту.

— Думаю, что Арата всё же не дым.

— Ну, это глупо, — когда я сказал это, по какой-то причине Джибрил нахмурилась.

— Это никогда не приходило мне в голову, — сказала она.

Я невольно улыбнулся. Мне хорошо известно, что она меня дурачит. Но я чувствую, что она переоценивает меня. Из-за этого она, должно быть, игнорировала дурака с самого начала.

Рассмеявшись, я заметил, что Джибрил опустила глаза, но я ничего не сказал.

— Каждый год, когда появляется река, эти поля смываются землёй и песком. Потрясающий вид, — сказала Джибрил, наблюдая за деревней. Это зрелище она видела с раннего детства.

— Оставляя в стороне расположенные камни, их, должно быть, трудно снова обрабатывать, — когда я сказал, Джибрил улыбнулась, прикрыв лицо головным убором.

— Но старейшина говорит, что благодаря им мы можем выращивать еду каждый год.

— Пшеницу, должно быть, трудно повторно выращивать, верно? Совсем как Нил, хм?

Я вспомнил урок истории. Кто бы мог подумать, что знания средней школы могут пригодиться.

— Значит, Арата знает о реке Нил? Я слышала об этом из легенд, — удивилась Джибрил.

В замешательстве я отрицал это.

— Я также знаю это по рассказам. Я узнал об этом в школе. Правильно, Геродот сказал, что Египет — это подарок Нила. Благодаря затоплению Нила они могут собирать множество пшеницы. Теперь я вижу, что река напоминает Нил, — сказал я улыбаясь.

Он смывает почву, повреждённую повторным культивированием. Должно быть, это действительно потрясающее зрелище.

«Что ж, я не знаю, когда смогу вернуться домой, может быть смогу увидеть это».

Урегулирование аренды

Я заметил это на 10-й день, так как был заключён.

Я не заплатил аренду за этот месяц. Речь о комнате в Токио.

Параллельно в моей голове промелькнули ругательства и мысль, что, возможно, они в любом случае простили бы меня через месяц. Но больше я не думал о содержании той комнаты.

За мгновение я неожиданно оборвал связь с фигурками, аниме, новеллами. «Ну, не имеет значения», — подумал я.

В настоящее время Джибрил бежит за моей спиной. И у меня также есть мой друг — Омар.

«Это маленький мир, но очень... даже неплохой», — думал я недавно. Тем не менее я живу без мечтаний и перспектив, но у меня есть новые важные дела.

«Как насчёт идеи изменит эту ситуацию?» Идя так, чтобы Джибрил могла не отставать, я думал лишь об этом.

У меня нет мечтаний или надежд. Всё нормально. Это означает, что я был таким человеком.

«Вдобавок желание помочь Джибрил и Омару лишь мечта?»

Если я смогу встретиться с ними без чувства превосходства или жалости, может, это возможно. Нет, это наверняка возможно. Я думал, что смогу сделать что-то хорошее.

— Что случилось, Арата?

— Я думал, что хочу увидеть, как ты повзрослеешь.

Джибрил вздрогнула. После стянула вниз головной убор и сказала:

— Я уже достаточно взрослая.

Я рассмеялся. Хотя она так и говорит, но она всё ещё ребёнок.

Я до сих пор не хотел этого признавать, но у меня есть талант полководца. Так мне говорили в деревне и компании.

Тем не менее я сомневаюсь в существовании этого таланта, но мне кажется, что не нужно стесняться использовать это. Я собираюсь воспользоваться этим. Я, конечно, могу использовать это для самоудовлетворения до тех пор, пока не потерплю поражение.

Теперь мне остаётся только ожидать возможность.

Хотя я уверен, что ждать нечего.

Жизнь пленника

Жизнь в заключение продолжалась. С того дня прошло пол месяца.

Я более или менее могу определить прошедшее время, наблюдая за луной. «Подсчёт времени по луне — великое знание. В прошлом оно наверняка было ещё более значимым», — промелькнуло в голове. С точки зрения такого любителя, как я, смену луны было заметит куда легче, чем солнца.

— Ты выглядишь усталым. Всё в порядке?

Когда я спросил об этом Омара, умывшегося с утра, он горько усмехнулся.

— Я восхищаюсь твоим бесстыдством.

— Бесстыдство тут не причём. Знаешь, все успешно сбежали», — утешал я Омара.

Вымыв лицо, он смотрел на меня, вытираясь полотенцем. Я думал, что эти глаза очень похожи на глаза хорошего человека.

— Как ты думаешь, что будет дальше? Я хочу услышать твоё мнение как члена ОО.

После его слов мне было ужасно неудобно. Если подумать, я ведь был сотрудником ОО. Хоть это и продолжалось недолго, даже года не прошло. Думаю, это, должно быть, эмоциональное сгорание.

Омар серьёзно смотрел на меня. Он дорогой друг. Вот почему я снова немного воспрял духом.

— Сотрудники ОО не пророки, — сказав это в качестве предисловия, я продолжил: — Строго говоря, мы не солдаты. Мы не подходим по основным пунктам международного договора.

— Американская армия не будет нас искать, не так ли? Также не кажется, что компания пойдёт на это?

— Верно.

— Ситуация кажется безнадёжной.

«Это правда?» — заинтересовался я. Лично у меня нет никакой военной подготовки, возможно, поэтому я не могу представить, что американская армия стоит того, чтобы нас искать. С самого начала у меня не было никаких ожиданий от организации.

Я думал о том, что он сказал.

— Проще говоря, только то, что американская армия или компания нам не помогут, не значит, что всё безнадёжно.

Омар искренне прислушался к моим словам. Он во второй раз умыл своё лицо. Как правило, обычно мы были порознь. Умывание было одним из немногих случаев, когда мы могли встретиться.

— Значит, есть «другая» возможность? — сказал он.

Я кивнул. Я тоже умылся во второй раз. Вода холодная.

— Конечно. Отложив в сторону ваше американское гражданство, я не особо-то и ценен в

качестве заключённого. И они это тоже знают, — ответил я.

— Верно, если бы они хотели убить вас, то сделали бы это раньше. Честно говоря, я думаю, что они всё ещё задаются вопросом, что же делать с нами. Как думаешь, что они в итоге сделают?

— Воспользуются нами, как рабочей силой? Запустят паразитов? Куда-нибудь сдадут? Нет никаких других вариантов, — в то время как я это говорю, Омар оделся.

— Меня не прельщает перспектива быть преданным каким-нибудь парнем, который точит зуб на американцев.

— Я думаю, что это будет обычный ручной труд, — ответил я, обдумав самый правдоподобный сценарий.

— Старейшина и отец Джибрил в некоторой степени рисковали, поэтому если они собирались избавиться от нас, то должны были сделать это с самого начала. После того как приведут заключённых из лагеря, этого наверняка будет достаточно, — сказав это, я пошёл на завтрак.

— Но я думаю, что они не заставят нас так долго ждать, — добавил я.

Лодочник на скале

Омар запыхался больше, чем я ожидал.

Я загорал, лёжа на камне рядом с домом старейшины и беспокоясь об отрицательных вещах, которые он говорит. Недавно я загорал. Вследствие чего отец Джибрил подошёл и сел на скалу.

Который напоминает мне, что ранее состав был тем же.

Возможно, отец Джибрил сделал это нарочно. Он смотрит на меня и улыбается с удовлетворением.

— Ну что, ты хотел бы сейчас взять мою дочь?

Это было первое, что он сказал. Удивляясь, почему он говорит подобные вещи, я искал оправдания.

— Думаю, Джибрил очень хорошая дочь. Но всё же, почему я? Я не понимаю.

Когда я нахмурился, отец Джибрил улыбнулся.

— Да, это лицо. Ты нахмурился так же, как и старейшина, когда я сказал ему это.

— Это очевидно.

— Да, очевидно. Ты говоришь об очевидных вещах так, какими они являются. Ты порядочный. Вот почему. Старейшина, американцы и, возможно, я тоже. У нас совершенно разные цели.

«Нашёлся человек, похожий на меня», — удивлённый, я смотрел на лицо отца Джибрил.

Он оглянулся на меня.

— Думаешь, старейшина и ваша компания порядочные?

— Нет.

— Верно. Если я и отдам дочь, то хочу, чтобы она была немного порядочной.

Я злился, думая, что результатом такого мнения был кто-то вроде меня. Мне очень жаль Джибрил. Я смотрел на её отца и ответил:

— Омар честен и чист. Из-за политики он нанял солдат из этой деревни. Я думаю, что компания хотела избежать неприятностей, поэтому они хотели иметь дружеские связи с ближайшими соседями — этой деревней. И соответственно с детьми...

Что-то горькое глубоко вонзилось мне в рот, когда я только подумал о словах на подобии «изнасилование», и поэтому нахмурился.

Отец Джибрил слегка кивнул.

— Я знаю. Если это так, было бы неплохо. Но тот, кто пострадал, это моя дочь. Неповиновение учениям подобно самоубийству. Что бы я ни сказал, что бы ты ни сказал, Джибрил не может иметь связей с мужчинами этой деревни. Вот почему.

Сказав это, он посмотрел на меня и продолжил:

— Вот почему это ты. Если это вы, она всё равно согласится.

Вот в чём состояли настоящие намерения отца. Поражённый этим, я не мог двигаться. Я не мог полностью понять не только мыслей Джибрил, но и женщин в целом, однако я хорошо понимаю отца Джибрил. Именно это меня и поразило.

— Пожалуйста, дай мне подумать, — после этих слов отец Джибрил опустил глаза, как будто он почувствовал боль.

— Пожалуйста, поспешите. Осталось не так много времени.

Раздумья и прогулка

«Интересно, означает ли это, что осталось мало времени?»

Я прогуливался, раздумывая об этом.

За эти полдня уверенность моя поубавилась больше, чем у Омара.

Я не мог собраться с мыслями.

Даже если я проигнорирую вопрос о женитьбе, останется лишь горькое послевкусие.

До сих пор я неосознанно совершал плохие поступки. Теперь, даже если это не только лишь моя ошибка, девочка, с которой я знаком, окажется в ужасной ситуации.

Мне кажется, что сценарий, в котором Джибрил будет счастлива по своей воле, невозможен.

Если бы это была работа ОО, то думаю, что я смог бы что-то сделать, но, к сожалению, военные не причастны к этой истории. Если подумать об этом, то хорошо, что военные ограничивают себя.

Я осознал это и перевёл дыхание. Общеизвестно, что политика превышает военных действий.

Внезапно я подумал о том, что сказала бы София. Усмехнулась бы она, или нахмурилась? Ну, если это она, то, скорее всего, она начала бы жаловаться. Её манера игнорировать реальность действительно раздражает, этот идеализм неправильный.

Мне кажется, что София гораздо более достойный человек, до конца придерживающийся своих идеалов, нежели я, кто метается между идеалами и реальностью.

«Если задуматься, то это тревожит», — подумал я.

Когда я поднял лицо, на нём отобразилась тревога. Кто-то сзади потянул меня за костюм. Это была Джибрил.

— В чём дело, Джибрил?

— Арата, здесь деревня заканчивается.

— Ах да, прости.

Я читал в новеллах, как, задумавшись, герой уходит далеко, но не думал, что со мной произойдёт подобное. Я слегка смутился.

— Пойдём назад? — спросил я, поправляя свой костюм.

Джибрил утвердительно кивнула головой. Я услышал слабый шорох, исходящий от головного убора.

Мы пошли вместе. В лагере этот вид не был чем-то особенным, но в этой деревне подобное кажется чем-то, чего быть не должно. Из-за чего Джибрил слегка отошла.

Я не могу успокоиться.

— Что сказал отец? — слышалось за моей спиной.

Идя, я думал, как же ответить. Потребуется много времени, чтобы придумать ответ в своей голове. Я всё ещё не могу говорить на автомате.

— Он беспокоится о тебе, — солгал я в ответ.

— Понятно, — спокойно ответила она.

Я действительно не понимаю, как должен был ответить ей. Во-первых, у меня плохой английский, а во-вторых, я не знаю, что ответить, поэтому потребуется время, дабы продумать ответ.

— Пожалуйста, не беспокойся. Даже если я буду далеко, всё будет хорошо.

Я смутился. Кстати, отец Джибрил также сказал, что осталось мало времени.

— Что означает «далеко»?

— Я не могу остаться в деревне, поэтому куда-нибудь уйду.

Я остановился, обдумывая значение этих слов. Было ясно, что она не уйдёт по своей воле.

Деревня хочет изгнать её, а если точнее, выбросить?

— Не только ты, верно?

— Да.

Думая о членах команды С, напряжение отразилось у меня на лице. Просто взять невесту — не выход.

Я заметил, как Джибрил приложила руку ко рту и куда-то убежала. Всё ещё стоя на месте, я не мог её остановить.

Предложение

Они заставили меня ждать больше, чем я думал.

В тот день я думал о Джибрил и других детях в доме, которые меня сопровождали, как посланника. Затем мы вместе с Омаром отправились в комнату, где ждали старейшину.

Как всегда, на потолке сверкали бутылки для животных. Мне всегда было интересно, что это такое, но я не мог заговорить на эту тему.

Старейшина заговорил:

— Вы наёмники?

— Компания говорит немного иначе, но это так, — ответил я старейшине.

Он кивнул лицом, полным глубоких морщин, и продолжил:

— Если это так, что вы думаете о том, чтобы быть нанятыми деревней?

Я скрестил руки. Это было немного неожиданно. Я думал, что нас будут использовать как фермеров, но всё было совершенно иначе.

Старейшина с любопытством смотрит на нас.

— Что это?

— Ну... имеется военная угроза?

— Придёт американская армия. Также это грозит и вашей компании.

О, теперь я понял. Моя борьба только что закончилась, но я заметил, что на самом деле ничего не закончилось. Не следует надеяться, что всё закончится лишь авиабомбардировкой.

— Ты так говоришь лишь для того, чтобы предать их? — Омар мрачно взглянул на меня.

Старейшина немного смягчил своё выражение и ответил, что не предаёт, сейчас он хочет лишь заключить контракт. Прежде чем Омар спросил, в чем же разница, я схватил его за руку.

— Друг мой, давай дослушаем до конца, — сказал я, на что Омар ответил, что ему жаль.

На лице старейшины появилась улыбка. «По-видимому, этот человек приветствует искреннюю мужскую дружбу. Он мачо», — подумал я. В этот раз по-настоящему. Мне это не нравится.

— Что ж, на самом деле придут правительственные войска. Те, которые поддерживают американскую армию.

— Понятно.

Я кивнул и задумался об этом. Поэтому мои противники получают указания от зелёных берегов.

Я посмотрел на старейшину и открыл рот. Я держал в уме команду С и Джибрил.

— Я не против быть нанятым, но сперва хочу кое-что уточнить.

— Что именно?

Старейшина был вовлечён в разговор быстрее, чем я думал, или он просто удивился. Я с сомнением в голосе ответил:

— Вы пытались нанести серьёзный ущерб американской армии. Всё нормально. Однако до нападения я думаю, что вы знали, к чему это приведёт, я имею в виду ответный удар. Итак, где и как вы собираетесь решить эту проблему?

— Как это касается вашей работы?

— Чтобы я хорошо выполнял свою работу, я должен понять намерения своего работодателя.

Это было верно наполовину. Другая половина заключалась в сборе данных.

Может быть, это потому, что наши позиции были различны, но я не могу не думать об этом с точки зрения моего бывшего врага, то есть партизанской стороны, разве мы не пытаемся вести войну без шансов на победу?

Думаю, что теперь у меня есть шанс узнать ответ на вопрос, который всё это время меня интересовал.

Старейшина сделал глубокий вдох, выдох, после посмотрел на меня.

— Оттуда через гору была деревня.

Старейшина продолжил:

— Это деревня 4 месяца назад была атакована вашей компанией или американской армией. Ты знал об этом?

Я думал, что моё сердце подскочит, но Омар заговорил первым.

— Я впервые слышу об этом. В самом деле? Они напали на деревню?

Старейшина горько кивнул.

— Если ты хочешь это увидеть, я отправлю вас туда. Возможно, что это был пример отказа от сотрудничества, но мы вместе с соседними кланами решили, что будем бороться до конца. Это

лучше, чем убивать по отдельности. Они даже напали на беглецов.

— Это ложь, — пробормотал я Омару. Время соответствует, но из-за гор радиоволны не достигнут места своего назначения. Это, должно быть, ложь, это невозможно.

— Я даже могу отвезти тебя туда завтра. Я не солгал. Что насчёт тебя?

Омар посмотрел на меня. Я побледнел. После посмотрел на старейшину.

— Я не могу так сразу в это поверить, дайте мне немного подумать. Если это не ложь, то у меня есть идея.

«Омар прикрыл меня», — промелькнуло у меня в голове. Я заметил, что меня тошнит без остановки.

«Это все моя вина? Грандиозная игра, которую создал я, параллельно принимая в ней участие?»

Я подавлял судорожный смех и отвращение, когда заметил, как уходит старейшина.

— Ты знаешь об этом?

— Нет, не знаю. Мне просто стало плохо, как я подумал об этом, — солгал я.

Я чувствую себя плохо. Очень плохо.

— Конечно, — ответил Омар с лицом, которое может быть лишь у хорошего человека.

Я встал. Я даже не успел договорить, как меня вырвало. До утра я метался множество раз.

В заброшенной деревне

На следующий день вместе с сопровождением в виде нескольких солдат, наблюдавших за нами, мы с Омаром отправились туда, где была деревня.

Я ничего не запомнил о маршруте. Я страшно хотел спать. Если бы я не спал, то наверняка сошёл бы с ума.

Из-за сонливости я вырубался, поэтому Омар множество раз мне помогал.

— Ты так смел, когда речь идёт о тебе, но ты ослаб, после того как поразился уничтожению деревни, — спокойно сказал Омар, который теперь был полон энергии.

Я почувствовал дружелюбность, исходящую из этих слов.

«Это не так, Омар. Ты совершенно неправ. Я не выгляжу смелым, я чувствую себя плохо из-за своих же действий», — подумал я.

Вот о чём я думал, но ничего не сказал. Больно, что я не могу это сказать. У меня чувство, что я неуклонно становлюсь негодяем.

«С другой стороны, что мне теперь делать?» — спросил я себя. Разве ты сохранил свою работу и зашёл так далеко не для того, чтобы самому этим полюбоваться?"

Это точно. Я здесь сейчас лишь потому, что я хотел этого. Чтобы самому убедиться в этом. Я думал, что буду сожалеть об этом всю свою жизнь, поэтому я отказываюсь возвращаться в Японию.

Но мне хочется выбраться.

Я разрушаюсь, а Шауи нет, что же мне делать? Должен ли я положиться на Джибрил?

«Возможно ли это?» — подумал я. Я тревожно осознаю, что я подлый человек. Но не задумываюсь об этом.

Мы добрались до заброшенной деревни.

Топографическая карта и виды, которые я всегда видел на работе ОО, всплыли перед моими глазами.

Даже если я попытаюсь забыть эту карту, то не смогу это сделать.

Свежие пулевые отверстия в зданиях. Когда я посмотрел на крышу, увидел окно, проделанное гранатой, я почувствовал себя плохо.

Охранник спросил, должны ли мы прогуляться за пределы деревни.

Он сказал, что трупов нет потому, что соседние деревни помогали с захоронением.

Я был крайне благодарен им за это, ведь мне не придётся смотреть на трупы, обходя деревню с юга на восток.

Ветер подымал облака пыли, образуя на земле узоры. Я молча шёл к ним.

Впереди есть небольшой холм, на котором проходит дорога. Это, должно быть, то место, с которого было легко стрелять по беженцам. Был и холм, и дорога.

Когда я посмотрел вниз, я увидел огромное кладбище на обочине дороги. Я думал, что, когда дело подойдёт к критическому моменту, моя тошнота сама собой прекратится.

Я спустился с холма и сел перед кладбищем.

Невозможно было остановить падающие слёзы

«Что я натворил?»

<http://tl.rulate.ru/book/3595/118866>